

или одно десятилетие назад. В статьях сборника, например, дебатруется постмодернистская юриспруденция (К. Дузина «Закон и право в постсовременном пространстве») и постмодернистская духовность (Ф. Берри «Постмодернизм и пост-религия»), но отсутствует раздел о поп-культуре, то есть ликвидация границ между популярной и элитарной культурой уже кажется менее значимой в качестве принципа постмодернизма. «Сегодня, в начале нового тысячелетия, по-прежнему остаются дисциплины и сферы знания, принципиальные для определения постмодернизма и продолжающие бросать вызов времени. Включенные в сборник ста-

тьи по философии, литературе, искусству сфокусированы на различных путях, по которым «старый» постмодернизм утверждает себя в качестве фона для развития соответствующего феномена» (12). Думается, что сама постановка вопроса о диалектике постмодерна, о соотношении постмодернизма «нового» и «старого» (а не только об отношениях с предшествующими культурно-историческими эпохами) является чрезвычайно продуктивной и максимально повышает значимость этой великолепно содержательной работы – нового Кембриджского справочника по постмодернизму.

Е.Г. Доценко

Уральский государственный педагогический университет

НАСТОЯЩЕЕ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

(Оляшек Б. Русский позитивизм: Идеи в зеркале литературы. Лодзь, 2005)

Проблема выбора «национальной идеи», определение направления ее поиска – видимо, одна из извечных проблем духовной жизни России. Одна из стратегий ее создания – это адаптация, приспособление идеологием, уже выработанных другими социумами, прежде всего европейскими, к практике русской действительности. Ситуация общественной радикальной «перестройки» уже с давних пор является одной из характерных черт отечественной истории на всем ее протяжении, не был исключением и XIX век. В середине века Россия в очередной раз оказалась в ситуации «порога», на пере-

крестке путей развития. Один из вариантов, открывавшихся перед страной, основывался на позитивистской модели мира, поведения и ценностей. Как и всякая идея, она прошла полный цикл своего развития: от «ростков» и популяризации, через распространение и критическую апробацию до угасания. Позитивизм как направление мысли оставил свой след не только в общественной жизни страны, в истории политической борьбы партий и группировок, но и в литературе. С позитивизмом в отечественной словесности позапрошлого века связан целый комплекс идей, проблем, тем,

образов, сюжетов, типов героев. Весь этот разнородный материал и стал предметом исследования в монографии Барбары Оляшек.

Одна из особенностей русской литературы, по Н.А. Бердяеву, – ее «вписанность» в контекст философских, политических и социальных идей своего времени. Польский профессор литературы из Лодзи исследует проблему взаимосвязи и взаимовлияния философии позитивизма и русской классической литературы или – говоря иначе – взаимодействие двух типов дискурсов: философско-публицистического и художественного. Именно такая постановка проблемы дает возможность по-новому взглянуть на известные произведения русской литературы XIX века. При желании полученные результаты (конечно, с необходимыми коррективами) можно экстраполировать на литературу эпохи «перестройки» XX века. Классика, как магический кристалл, приоткрывает завесу над будущим, позволяя лучше понять его.

Судьбам позитивизма в «российском изводе» посвящена первая часть рецензируемой работы. В ней показано подспудное вызревание в недрах прежней системы нового видения мира сквозь призму новых ценностей: опыта, науки, пользы, прогресса.

Особенно прописан и тщательно разобран исследовательницей сциентизм, один из основных параметров позитивизма. Суть его коротко можно выразить фразой В.Лесевича, который считал науку «руководительницей успехов общественного развития». Середина XIX века – время смены доминирования художественной парадигмы на научную. Эта

перемена нашла отражение в самых разных художественных текстах, начиная с середины 40-х годов. Первой рецепцией научных идей позитивизма признаются «Русские ночи» (1844) Владимира Одоевского.

Автор работы не ограничивает себя каким-то отдельным родом или жанром, но пытается рассмотреть идеи позитивизма на всем обширном пространстве русской литературы второй половины XIX века. В разделе, посвященном сциентизму, представлен анализ произведений, которые обычно остаются на периферии внимания российских исследователей: «На Луне» К. Циолковского, «Капитан Немо в России» К. Случевского, «Лес рубят – щепки летят» А. Шеллер-Михайлова, «На новом пути» К. Долгово и др. При этом рассматриваются позиции как сторонников, так и противников идей сциентизма. Б. Оляшек, не сглаживая противоречий, пытается осветить непростые взаимоотношения различных авторов с наукой. За полвека (начиная с 40-х и заканчивая 90-ми годами) отношение к ней прошло значительный путь: от утопии в разрезание извечных проблем до кризиса веры в науку, в ее познавательные способности.

Вторая важнейшая составляющая позитивизма – убеждение его сторонников в неизменности поступательного характера жизни, в неизбежности прогресса. Свое отношение к этой проблеме в художественной форме выражали многие писатели-классики: И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов. Их позиции с той или иной мерой полногты представлены в исследовании. Автор его и в этом случае не ограничивается лишь

«литературными генералами». Известно, что писатели второго ряда подчас ярче, чем писатели-классики, воплощают ту или иную идею, особенно модную и популярную среди широких слоев общества. Поэтому вполне объяснимо, что идеи либерального прогресса автору монографии оказалось удобнее рассматривать на примере произведений П. Боборькина и А. Амфитеатрова. Это одна сторона «медали», так сказать, ее «аверс». «Реверс» же представлен в творчестве народнических беллетристов, которые видели в потребительских идеалах преимущественно негативную сторону. Как и идея сциентизма, идея позитивистского прогресса прошла определенный путь и завершилась программой «малых дел».

Следуя логике развития позитивизма и разбирая его основные структурные компоненты, польская исследовательница разбирает идею «позитивного труда» в творчестве писателей второй половины XIX века. Идея прогресса неотделима от идеи особого характера труда. Выражение «позитивный труд» носит почти терминологический характер и потому недаром завычено: его отличительной особенностью является сочетание личных и общественных интересов.

Особый интерес в работе представляет раздел, посвященный художественной модели «позитивной личности». Отправной точкой в рассуждениях автора монографии становится парадоксальное высказывание В.В. Розанова, которое содержит в себе рациональное зерно, несмотря

на очевидное преувеличение. Русский философ писал: «Позитивизм нужен для «позитивистов»: суть не в «позитивизме», а в «позитивисте». Б. Оляшек задается вопросом: «Что же представляет собой тип позитивиста?» В работе предпринимается попытка не столько представить литературные примеры, с помощью которых можно ответить на поставленный вопрос, сколько гораздо более перспективная задача воссоздать некий инвариант позитивиста, материализующийся в ряде однотипных явлений. По мнению исследовательницы, русская литература смоделировала три облика «позитивного героя»: «практического человека», «сциентиста» и «героя малых дел». Для женщин одним из ведущих типов «позитивной личности» становится эмансипе (этому вопросу посвящена отдельная глава в работе).

Для разных писателей идеи позитивизма были значимы в разной степени, находились в кругу их непосредственного размышления или были на периферии его. Наиболее полная и цельная модель позитивизма может быть воссоздана на основе произведений таких авторов, как И.А. Гончаров, П.Д. Боборькин и А.П. Чехов, что и делает их центральными фигурами для автора рецензируемой монографии.

В заключение хочется поблагодарить госпожу Барбару Оляшек за ее интересную монографию, которая передана в дар библиотеке Уральского государственного педагогического университета и доступна для всех интересующихся проблемами русской классической литературы.

А.В. Кубасов

Уральский государственный педагогический университет